

Гу Шэн смущённо улыбнулась, чувствуя лёгкое беспокойство.

Хотя маленький мерзавец сейчас выглядел совершенно безобидным, она всё же была тем самым Девятым высочеством, которое в будущем станет великим императором, покорившим четыре моря, любимцем народа и величайшим правителем в истории, известным своей злопамятностью!

Когда Девятое высочество вырастет, не уничтожит ли она всех, кто в детстве слышал её крики «ма-ма»?

Подумав об этом, Гу Шэн почувствовала себя неловко, но, взглянув на малышку, грызущую свою ручку, она поняла, что выглядит глупо, испугавшись такого маленького создания. Поэтому она незаметно скривила лицо, показывая малышке язык!

Возможно, из-за того, что это была первая встреча с незнакомым лицом, глаза Девятого высочества сияли, и её взгляд постоянно был направлен на Гу Шэн. Увидев, что та корчит рожицы, малышка засмеялась и, размахивая ручками, снова закричала:

— Ма-ма! Ма-ма!

Гу Шэн вздрогнула, подумав: «Это ты сама кричишь, я ничего не слышала. Если что, вини себя...»

В этот момент Первый принц, сидевший за столом и пытавшийся взять палочками еду, не выдержал и постучал пальцами по столу, жалуюсь:

— Ну вот, каждый раз, когда появляется Девятая, вы все сходите с ума вокруг неё! Еда уже остывает, если вы не начнёте есть, я не оставлю вам ничего!

Гу Шэн краем глаза посмотрела на Первого принца и подумала: «Неудивительно, что ты потом растолстеешь. Съесть всё с этого стола обычному человеку будет не так-то просто.»

Все, услышав это, с улыбкой вернулись к еде.

Гу Шэн предполагала, что Цзян Хань пригласила её на обед, чтобы она продемонстрировала свои навыки игры на пипе.

Однако этот обед оказался обычной семейной трапезой, хотя Восьмая принцесса очень хотела похвастаться талантами своей подруги и без остановки рассказывала о том, как Гу Шэн блестяще сдала экзамен.

Цзян Хань, видимо, лишь потакала своей младшей сестре, время от времени одобрительно кивая в сторону Гу Шэн.

Перед тем как разойтись, Первый принц шутливо предложил Восьмой принцессе:

— Может, ты заберёшь Девятую с собой во дворец Сяньфу, чтобы наложница Си тоже могла её поддержать?

Восьмая принцесса не стала спорить и с радостью ответила:

— Хорошо! Моя мама уже неделю не видела Девятую сестрёнку и очень по ней скучает!

Первый принц тут же улыбнулся и подмигнул Цзян Хань.

Цзян Хань сделала вид, что не заметила, и, опустив голову, молча улыбнулась.

На самом деле, старшие аристократы знали, что мать Восьмой принцессы, наложница Си, очень любила этого новорождённого сверххрангового аристократа.

Возможно, потому что она сама родила только Великую госпожу, наложница Си всегда мечтала о том, чтобы у неё был аристократ, на которого можно было бы опереться. Поэтому с момента рождения Девятого высочества она всеми способами старалась угодить драгоценной наложнице Ю, лишь бы чаще видеть этого маленького аристократа.

К счастью, драгоценная наложница Ю была северной арийкой, прибывшей для заключения брачного союза менее двух лет назад, и не понимала многих тонкостей китайской культуры. Видя, как наложница Си проявляет к ней и её дочери такую теплоту, она не почувствовала никакого подвоха и быстро подружилась с ней.

Но окружающие прекрасно понимали намерения наложницы Си.

Первый принц, шутя над Восьмой принцессой, хотел напомнить ей, чтобы её мать была более сдержанной, иначе её стремление заслужить расположение сверххрангового аристократа станет слишком очевидным, что может повредить репутации Восьмой принцессы.

Однако Восьмая принцесса была ещё ребёнком. Хотя она и ревновала мать к Девятой принцессе, она не могла понять намёка Первого принца.

Тем временем Гу Шэн внезапно помрачнела. Её словно окатили ведром ледяной воды, и она вся задрожала.

Она медленно повернула голову и с грустью посмотрела на наивную Восьмую принцессу, сердце её сжалось — Восьмая принцесса оказалась дочерью наложницы Си!

Все недавние сомнения вдруг прояснились.

Гу Шэн наконец поняла, почему в прошлой жизни о Восьмой принцессе никто не говорил.

Она отчётливо помнила, как в народе ходили слухи, что наложница Си и Девятое высочество состояли в близких отношениях.

Наложница Си не только постоянно нашептывала императору Цию, чтобы он назначил Девятое высочество наследником престола, но и часто выезжала из дворца для тайных встреч с ней после того, как та покинула дворец.

Правдивы ли были эти слухи, Гу Шэн не знала, ведь разница в возрасте между ними составляла более двадцати лет, и ей было трудно поверить, что наложница Си могла испытывать такие чувства к Цзян Чэньюэ.

Но она точно знала, что в пятьдесят первом году правления Цию наложницу Си обвинили в надуманном преступлении и сослали в холодный дворец.

В придворных кругах ходили разные слухи, и некоторые утверждали, что причиной стало неподобающее поведение наложницы Си на церемонии возвышения Девятого высочества.

Что именно произошло, Гу Шэн тогда так и не выяснила, ведь такие дела императорской семьи она не могла обсуждать с Цзян Хань.

Но она помнила, что этот скандал тогда серьёзно повлиял на Цзян Чэньюэ.

Девятое высочество в одночасье лишилось всех своих титулов и из фаворита императора превратилось в изгоя.

Гу Шэн в то время совершенно не интересовалась политикой, поэтому не знала, что именно произошло.

Но нетрудно было догадаться, что если даже любимая дочь императора Цию пострадала так сильно, то Восьмая принцесса, как дочь наложницы Си, наверняка тоже оказалась в незавидном положении.

Гу Шэн почувствовала, как её сердце сжалось, и она с грустью посмотрела на окружающих её красивцев и красавиц.

Цзян Хань смотрела на Цзян Чэньюэ в одеяле, и в её улыбке не было ни капли фальши или зависти, только искренняя любовь и нежность.

Восьмая принцесса беззаботно сидела на круглом табурете, шутливо споря с ещё не растолстевшим Первым принцем.

Пятый принц молча наливал всем чай, а вернувшись на своё место, добродушно улыбнулся Первому принцу.

Неужели, когда Первый принц позже поднесёт ему отравленное вино, он вспомнит их нынешнюю братскую привязанность?

Гу Шэн почувствовала, как её сердце сжалось, её глаза наполнились слезами, и она едва сдержала их.

Она вдруг почувствовала, что ей всё же повезло. По крайней мере, между ней, наложницей Шэнь и Гу Жао никогда не было искренних чувств, и даже если в будущем они будут враждовать, это не вызовет боли от братоубийства.

А эти дети императорской семьи несли на себе слишком много тягот.

После окончания обеда Восьмая принцесса настояла на том, чтобы провести Гу Шэн домой, проехав мимо дома виконта.

Этот сладкий груз снова сбил Гу Шэн с толку, и она в панике начала отказываться.

В итоге Цзян Хань остановила Восьмую принцессу и пообещала лично провести Гу Шэн домой, на что та согласилась.

Гу Шэн боялась, что сопровождение принцессы будет слишком заметным, но, услышав, что Цзян Хань сама её проводит, её сердце наполнилось радостью, и она с улыбкой согласилась.

Цзян Хань, однако, просто хотела уговорить свою младшую сестру поскорее вернуться во дворец, предполагая, что Гу Шэн тоже будет отказываться от её сопровождения. Она и не думала, что эта девчушка действительно осмелится...

Как только Восьмая принцесса ушла, Гу Шэн краем глаза бросила на Цзян Хань многозначительный взгляд, покраснела и села в паланкин, даже не подумав отказаться от предложения Второй принцессы, не говоря уже о том, чтобы сказать: «Благодарю за труд,

Ваше высочество».

«...» Цзян Хань с изумлением смотрела, как эта девочка из дома виконта садится в паланкин, чувствуя смесь досады и забавы. В конце концов, она лишь вздохнула, села на лошадь и медленно последовала за паланкином, который Восьмая принцесса предоставила для Гу Шэн, объезжая почти полстолицы.

К счастью, Цзян Хань была в обычной одежде. Если бы она была в парадном наряде аристократа, это выглядело бы крайне нелепо — верхом на лошади сопровождать паланкин с двумя носильщиками.

Всю дорогу Цзян Хань молчала, думая о невыполненном домашнем задании, которое ей дал учитель, и о возможном допросе со стороны отца по возвращении во дворец. Поэтому она всё время хмурилась, повторяя в уме новую главу из «Книги Перемен».

Гу Шэн обычно была вежлива, но сейчас она слишком увлеклась своими мыслями о Цзян Хань.

В прошлой жизни Цзян Хань чрезмерно опекала её, буквально не отходила ни на шаг, и Гу Шэн уже привыкла к этому.

Теперь, когда Цзян Хань сама предложила её провести, Гу Шэн не сомневалась в её искренности и, сидя в паланкине, с радостью ждала, когда Цзян Хань заговорит с ней.

Однако, проехав половину пути, Гу Шэн, хотя и слышала ритмичный стук копыт рядом, так и не дождалась вопроса от Цзян Хань, что заставило её забеспокоиться.

Вспомнив сдержанный характер Цзян Хань, Гу Шэн улыбнулась, решив, что та, наверное, стесняется, забыв, что её шестилетнее тело вряд ли могло вызвать смущение у кого-либо.

Гу Шэн слегка приподняла край занавески и, как в прошлой жизни, украдкой наблюдала за Цзян Хань, сидящей на лошади.

<http://bllate.org/book/16655/1526371>